

М. Ю. ЛЕРМОНТОВЪ.

15-го іюля текущаго года исполнится 50 лѣтъ со дня смерти М. Ю. Лермонтова.

Утромъ 29-го января 1837 года разнеслась по Петербургу печальная вѣсть: не стало Пушкина... Россія лишилась поэта, съ именемъ котораго всѣ образованные люди уже давно привыкли соединять мысль о высшемъ проявленіи русскаго генія въ искусствѣ. Вслѣдъ затѣмъ стали извѣстны и всѣ подробности этой неожиданной и преждевременной кончины. Возбужденное ею чувство скорби и негодованія было еще слишкомъ живо, слишкомъ болѣзненно, когда по рукамъ стали ходить стихи, въ которыхъ необыкновенно ярко и энергично выразилось общее настроеніе,—стихи, бывшіе громкимъ, отчаяннымъ крикомъ наболѣвшаго сердца... Такого произведенія еще не бывало въ нашей литературѣ; правда, не бывало еще для нея и такого горя...

Читая, переписывая и заучивая наизусть стихотвореніе «На смерть Пушкина», люди, которымъ были дороги интересы родной литературы, убѣждались, что съ Пушкинымъ не умерла наша поэзія и что на смѣну ему явился другой избранникъ, которому дано «глаголомъ жечь сердца людей». Скоро узнали, что этотъ новый поэтъ, который отважился дерзко бросить въ глаза сгубившему Пушкина великосвѣтскому кругу «желѣзный стихъ, облитый горечью и злостью»,—молодой (22-хъ лѣтъ съ небольшимъ) гусарскій офицеръ, еще не такъ давно вышедшій

изъ заведенія, представлявшаго полную противоположность изящному пушкинскому лицу, и уже напечатавшій нѣсколько стихотвореній въ «Библиотекѣ для чтенія»; узнали затѣмъ, что стихи на смерть Пушкина имѣли слѣдствіемъ переводъ автора въ армейскую кавалерію и высылку на Кавказъ,—кара, въ то время обычная въ примѣненіи къ такъ-называемымъ «безпокойнымъ людямъ».

Прошло три съ половиной года. Въ этотъ сравнительно очень небольшой промежутокъ времени успѣлъ развиться одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ и оригинальнѣйшихъ поэтическихъ геніевъ, составляющихъ гордость нашей литературы. Стихотворенія Лермонтова все чаще и чаще являлись на страницахъ журналовъ, и читатели, нетерпѣливо ожидавшіе этихъ стиховъ, чарующихъ красотою формы и въ то-же время трогającychъ самыя завѣтныя струны сердца, скоро привыкли видѣть въ молодомъ лирикѣ непосредственнаго преемника Пушкина, ожидая отъ него великихъ созданій. Самъ Лермонтовъ, снова появившійся въ Петербургѣ, вращался не столько въ кругу литературномъ, сколько въ томъ «свѣтѣ», къ которому онъ, какъ и Пушкинъ, принадлежалъ по рожденію и воспитанію. Его личная жизнь мало кому была извѣстна: человекъ по природѣ замкнутый и недовѣрчивый, онъ не имѣлъ близкихъ друзей, съ которыми могъ-бы дѣлиться душевными мыслями; по внѣшности-же это была обыкновенная жизнь великосвѣтскаго гвардейца, съ визитами, балами, смотрами, холостыми пирушками и т. п. Этого рода свѣдѣніями о Лермонтовѣ, конечно, меньше всего интересовались люди, знавшіе его только по его произведеніямъ.

Можетъ быть, до многихъ еще не успѣла дойти вѣсть о вторичной высылкѣ поэта на Кавказъ, когда имъ пришлось прочесть въ газетѣ краткое и неясное сообщеніе изъ Пятигорска: «15-го іюля, около 5 часовъ вечера, разразилась ужасная буря съ молніею и громомъ; въ это время между горами Машукомъ и Бештау скончался лѣчившійся въ Пятигорскѣ М. Ю. Лермонтовъ».

Какъ ударъ грома при безоблачномъ небѣ, смерть внезапно сразила молодого поэта; ~~еще~~ вѣще слово осталось недосказаннымъ—

и съ собой

Въ могилу онъ унесъ летучій рой
Еще незрѣлыхъ, темныхъ вдохновеній,
Обманутыхъ надеждъ и горькихъ сожалѣній.

Мы не знаемъ и не можемъ гадать, что даль-бы еще Лермонтовъ нашей литературѣ, еслибы не эта роковая случайность; общій характеръ его поэзіи, однако, едва-ли могъ-бы значительно измѣниться, какъ не могло измѣниться и опредѣлявшее ее настроеніе. Натура Лермонтова была такова, что ее можно было сломать, но не согнуть. Впродолженіе своей кратковременной литературной дѣятельности онъ успѣлъ высказаться съ достаточной полнотой и опредѣленностью; благодаря черновымъ тетрадямъ, сохраненнымъ заботливою рукою, мы знаемъ о немъ нѣсколько больше, чѣмъ его современники, и можемъ, до извѣстной степени, прослѣдить его поэтическое развитіе.

Мы уже говорили выше, что современники Лермонтова признавали его прямымъ преемникомъ Пушкина. Это преемство имѣло не внѣшнее только значеніе; дѣло было не только въ томъ, что молодой поэтъ, такъ горячо отозвавшійся на общее горе, причиненное смертью Пушкина, занялъ высшее мѣсто въ нашей поэзіи; между Лермонтовымъ и Пушкинымъ несомнѣнно была и внутренняя, генетическая связь. Пушкинъ былъ первымъ вдохновителемъ и учителемъ этого нервнаго мальчика, который еще нетвердою рукою набрасывалъ въ своихъ школьныхъ тетрадкахъ передѣлки «Кавказскаго плѣнника», «Братьевъ-разбойниковъ» («Преступникъ»), либретто оперы «Цыгане» и т. п.; Пушкинъ далъ ему и форму, и содержаніе—или, вѣрнѣе, общую идею первыхъ его произведеній. Дальнѣйшее развитіе Лермонтова пошло въ иномъ направленіи, въ силу особенностей его личнаго характера и состоянія общества въ его время; но исходнымъ пунктомъ лермонтовской поэзіи былъ все-таки Пушкинъ.

Пушкинъ росъ и воспитывался въ лицѣѣ подѣ вліяніемъ изящной формы жизни александровскаго времени и противорѣчившаго ей содержанія, подѣ вліяніемъ постепенно возростающаго недовольства существующимъ порядкомъ, все болѣе и болѣе сознаваемой потребности свободы и преобразованій. Понятно, что первымъ впечатлѣніемъ, на которое откликнулся чуткій душою юноша, было впечатлѣніе политическихъ стремленій,—и 16-лѣтній поэтъ призывалъ «музу пламенной сатиры» съ бичемъ Ювенала. Товарищъ Пушкина, его «первый и безцѣнный» другъ, Пущинъ, чуть-ли еще не на лицейской скамѣѣ принадлежалъ къ тайному обществу. Это вліяніе проникаетъ всю дѣятельность Пушкина, съ лицейской поры до зрѣлаго возраста; оно отзывается на всѣхъ его произведеніяхъ, являвшихся въ то время въ печати и ходившихъ по рукамъ въ рукописяхъ. Оно слышится въ любви къ вольному племени въ «Кавказскомъ плѣнникѣ»,—въ жаждѣ воли, которою дышутъ «Цыгане». Герои обѣихъ этихъ поэмъ имѣютъ одинъ большой недостатокъ: они—герои не русскаго міра, они придуманы подѣ вліяніемъ Байрона; да и у самого Байрона такіе герои не принадлежатъ дѣйствительному міру, потому-что Байронъ создавалъ ихъ въ противоположность ненавистной ему узкой рамкѣ, низменному нравственному уровню англійской жизни,—создавалъ въ негодованіи на изношенность людей и общественной основы. Байроновскіе идеалы не удались Пушкину; мало-по-малу отрѣшаясь отъ байроновскаго взгляда на жизнь, Пушкинъ наконецъ совсѣмъ отдѣляется отъ него въ «Онѣгинѣ» и совершенно становится на русскую почву. Но направленіе, навѣянное политическими идеями, нигдѣ не покидаетъ поэта, и какъ въ Ленскомъ, вѣрившемъ, что «есть избранные судьбою», такъ и въ Онѣгинѣ, изломанномъ русскою общественною жизнью, чувствуется, что эти люди представляютъ—одинъ вдохновенно, другой скептически—протестъ противъ тогдашнихъ условій этой жизни. Это направленіе,

такъ изящно проявлявшееся у Пушкина, имѣло громадное вліяніе на современные умы и современную литературу, вызывая потребность свободы въ жизни и изящной формы—въ словѣ.

Эту потребность еще въ ранней юности сталъ сознавать и Лермонтовъ. Чуткость и воспріимчивость, которыми онъ былъ одаренъ отъ природы, еще болѣе усилились подъ вліяніемъ тѣхъ условій, среди которыхъ проходило его дѣтство. Рано лишившись матери, отъ которой онъ унаслѣдовалъ нервную и болѣзненную организацію, Лермонтовъ росъ у бабушки, женщины суровой и деспотической, въ отчужденіи отъ отца, не имѣя брата или сестры,—росъ одиноко и рано пересталъ быть ребенкомъ; не по-дѣтски работала мысль этого вдумчиваго мальчика, который вмѣсто веселыхъ сверстниковъ и товарищей видѣлъ вокругъ себя только книги, не для дѣтей писанныя, и привыкъ дѣлить съ ними свое время въ такую пору жизни, когда другія дѣти ничего, кромѣ игрушекъ, не знаютъ. Эта усвоенная въ дѣтствѣ привычка быть наединѣ съ самимъ собою, сосредоточиваться и замыкаться въ себѣ самомъ, не оставила Лермонтова и тогда, когда онъ изъ своего деревенскаго захолустья переѣхалъ въ Москву и поступилъ въ университетскій пансіонъ. Проживъ до 14-ти лѣтъ въ одиночествѣ, онъ уже не могъ искать сближенія съ случайными товарищами, тѣмъ болѣе что сознавалъ себя и по развитію, и по образованію выше ихъ. Къ этому-то времени и относятся его первыя попытки писать стихи, — попытки, навѣянные чтеніемъ Пушкина. Пушкинъ со второй половины 20-хъ годовъ все болѣе и болѣе склонялся къ эпосу; Лермонтовъ по самой своей природѣ не могъ быть ничѣмъ инымъ, какъ только лирикомъ: всѣ его созерцанія были обращены исключительно внутрь, на самого себя, а внѣшній міръ представлялся не болѣе какъ фономъ для картины личныхъ чувствъ и впечатлѣній. Оттого и Пушкинымъ онъ увлекся исключительно съ лирической стороны, и именно съ

той, на которой отразилось вліяніе «властителя думъ» современнаго ему поколѣнія, Байрона. Скоро онъ обратился къ этому непосредственному источнику вдохновеній. Изучая жизнь и произведенія англійскаго поэта, онъ искалъ и находилъ между нимъ и собою общія черты:

Я молодъ, но кипятъ на сердцѣ звуки,
И Байрона достигнуть я-бъ хотѣлъ:
У насъ одна душа, одинъ и тѣ-же муски;
О, еслибъ одинаковъ былъ удѣлъ!..

Юный поэтъ воображаетъ себя уже избранникомъ судьбы, отмѣченнымъ печатью страстей, мрачнымъ, задумчивымъ; ему «года погибшіе являются всечасно»; молодость, «отобравъ всѣ лишнія желанья», дала ему «одно печальное раскаянье»; подобно Чайльдъ-Гарольду, онъ

...рано свѣтъ узналъ, и съ страшной пустотой
Оставилъ берегъ земли своей родной
Для добровольнаго изгнанья...

Словомъ, какъ Ленскій и многіе поэты его времени, юный Лермонтовъ пѣлъ увядшій жизни цвѣтъ безъ малаго въ шестнадцать лѣтъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ чувствовалъ «страшную жажду пѣснопѣнья», отъ которой хотѣлъ, но не могъ освободиться; какъ и всѣ, онъ мечталъ о славѣ, о величіи; но среди этихъ лирическихъ изліяній съ чужого голоса, среди строфъ, очевидно навѣянныхъ желаніемъ порисоваться, слышится иногда и искреннее чувство, и серьезная мысль,—видится будущій Лермонтовъ. Такова, на примѣръ, «Жалоба турка», или слѣдующій «Монологъ»:

Повѣрь, ничтожество есть благо въ здѣшнемъ свѣтѣ!
Къ чему глубокія познанья, жажда славы,
Талантъ и пылкая любовь свободы,
Когда мы ихъ употребить не можемъ?
Мы, дѣти сѣвера, какъ здѣшнія растенья,
Цвѣтемъ недолго, быстро увядаемъ...
Какъ солнце зимнее на сѣромъ небосклонѣ,
Такъ пасмурна жизнь наша, такъ недолго
Ея однообразное теченье...

И душно кажется на родинѣ,
 И сердцу тяжело и душа тоскуетъ...
 Не зная ни любви, ни дружбы сладкой,
 Средь бурь пустыхъ томится юность наша,
 И быстро злобы ядъ ее мрачить,
 И намъ горька остылой жизни чаша,
 И ужъ ничто души не веселить.

Въ этихъ стихахъ—отголосокъ уже не Байрона, а сознательной мысли, обращенной къ окружающему. Подобно шатобриановскому Ренэ, молодой поэтъ уже начинаетъ чувствовать въ себѣ *surabondance de vie*,—то изобиліе жизненной силы, не находящей себѣ примѣненія, которое служитъ постояннымъ источникомъ страданій. Это острое недовольство становится все сильнѣе и сильнѣе, по мѣрѣ того какъ въ душѣ поэта растетъ и усиливается сознание своего одиночества въ окружающей его толпѣ.

Перейдя изъ пансіона въ университетъ, Лермонтовъ «вступилъ надменно въ свѣтлый храмъ науки», но оставался здѣсь недолго и затѣмъ вдругъ—можетъ быть, по капризу, а можетъ быть и по минутному увлеченію (вѣдь и Пушкинъ когда-то мечталъ о гусарскомъ ментикѣ)—промѣнялъ университетскую аудиторію на школу кавалерійскихъ юнкеровъ. Годы, проведенные имъ въ этой новой средѣ,—по собственному его сознанию, годы «тяжелые и печальные»,—заставили его навсегда замкнуться въ гордомъ одиночествѣ и презрѣніи къ «толпѣ»:

Никто не дорожитъ мной на землѣ,
 И самъ себѣ я въ тягость, какъ другимъ;
 Тоска блуждаетъ на моемъ челѣ,
 Я холоденъ и гордъ, и даже злымъ
 Толпѣ кажуся; но ужель она
 Проникнуть дерзко въ сердце мнѣ должна?
 Зачѣмъ ей знать, что въ немъ заключено?
 Огонь иль сумракъ тамъ—ей все равно!

 ...какъ я мучусь, знаетъ лишь Творецъ,
 Но равнодушный міръ не долженъ знать

«Общество» представляется ему «собраніемъ людей безчувственныхъ, самолюбивыхъ въ высшей степени и полныхъ зависти къ тѣмъ, въ душѣ которыхъ сохраняется хотя малѣйшая искра небеснаго огня». А между тѣмъ, прежняя юношеская «жажда пѣснопѣнья» смѣнилась мучительной и неутолимой жаждой дѣятельности, стремленіемъ найти исходъ для своей живой силы:

Мнѣ нужно дѣйствовать; я каждый день
 Безсмертнымъ сдѣлать-бы желалъ, какъ тѣнь
 Великаго героя, и понять
 Я не могу, что значить отдыхать.
 Всегда кипитъ и зрѣетъ что-нибудь
 Въ моемъ умѣ. Желанье и тоска
 Тревожатъ безпрестанно эту грудь.
 Но что-жь? Мнѣ жизнь все какъ-то коротка,
 И все боюсь, что не успѣю я
 Свершить чего-то. Жажда бытія
 Во мнѣ сильнѣй страданій роковыхъ,
 Хотя я презираю жизнь другихъ.

Презрѣніе къ этой жизни, исключавшей идеалы,—къ этому обществу, которое все больше и больше втягивалось въ тину прозябанія, уже не отзываясь на свободную мысль и даже не допуская этой мысли, — становится теперь преобладающимъ мотивомъ лермонтовской поэзіи. Человѣку мыслящему и чувствующему не было надобности вдохновляться Байрономъ для того, чтобы воспитать въ себѣ такое отрицательное отношеніе къ русской жизни того времени: оно вытекало само собою, какъ естественный выводъ изъ сравненія первой четверти нашего вѣка, — эпохи возбужденныхъ чаяній, выразителемъ которыхъ былъ Пушкинъ, — со второю четвертью, — эпохой унынія и апатіи. Поэзія Лермонтова — прямой продуктъ этого тяжелого времени; въ ней выразилось все, что есть справедливаго и несправедливаго въ протестѣ переполненнаго сердца противъ тривіальныхъ и неподвижныхъ правилъ обыденной жизни. Лермонтовъ могъ-бы повторить выраженіе Вертера, что общество не даетъ намъ ничего, кромѣ позволенія ис-

пещрять разнообразными фигурами и свѣтлыми надеждами тѣ стѣны, среди которыхъ мы живемъ какъ плѣнники.

Лермонтовъ, написавшій стихи «На смерть Пушкина», былъ уже не тотъ задумчивый юноша, какимъ мы видѣли его въ первые годы увлеченія поэзiей: онъ уже пережилъ и перечувствовалъ и Вертера, и Ренэ, и Байрона, и явился поэтомъ русской мысли и русской безотрадной дѣйствительности; онъ былъ въ правѣ сказать о себѣ:

Нѣтъ, я не Байронъ,—я другой,
Еще невѣдомый избранникъ,
Какъ онъ, гонимый мiромъ странникъ,
Но только *съ русскою душой.*

Первая четверть нашего столѣтiя подорвала въ общественномъ сознании уваженiе къ барству и крѣпостничеству. Мыслящее меньшинство дворянства уже не могло быть помѣщикомъ откровенно, а не быть помѣщикомъ нельзя было безнаказанно. Внутреннее сознание и совѣсть мѣшали оставаться въ прежнихъ отношенiяхъ къ народу, а выйти изъ нихъ было нельзя: самая мысль объ этомъ казалась тогда опасной. Нельзя было вырваться изъ тяжелаго положенiя, а примкнуть, закрывши глаза, къ жизни большинства,—было еще тяжелѣе. И вотъ, мыслящее меньшинство почувствовало себя лишнимъ челоѡкомъ. Общественной дѣятельности для него не существовало, всѣ пути были ему заказаны: оно могло только углубляться въ собственную тоску и пустоту жизни, сознавая свое безсилiе и одиночество, а родину любить только «странною любовью»,—любовью привычки къ знакомому пейзажу. Напряженный трагизмъ этого вынужденнаго положенiя требовалъ сильнаго голоса въ литературѣ; его всѣ чувствовали, но онъ какъ будто ускользалъ отъ вниманiя, заглушаясь, притупляясь внѣшней суетой жизни. Для того чтобы выразить это тяжелое, удручающее настроенiе, нужно было прочувствовать его въ такомъ полномъ душевномъ одиночествѣ, какое выпало на долю Лермонтову; онъ и явился его выразителемъ. Съ упорной неизмѣн-

ностью провелъ онъ свою безотрадную задачу, гениальною впечатлительностью понимая всю прелесть жизни и постоянно сознавая себя лишнимъ человѣкомъ въ этомъ мѣрѣ, гдѣ ему душно какъ въ тюрьмѣ и откуда ему хотѣлось-бы вырваться куда-нибудь на просторъ и дикую волю, какъ Узнику или Мцыри:

Дайте разъ на жизнь и волю,
Какъ на чуждую мнѣ долю,
Посмотрѣть поближе мнѣ...

Правъ былъ Бѣлинскій, сказавъ, что у Лермонтова «нигдѣ нѣтъ пушкинскаго разгула на пиру жизни, но вездѣ—вопросы, которые мрачатъ душу, леденятъ сердце». Русская современная ему дѣйствительность «жила въ каждой каплѣ его крови, трепетала съ каждымъ биеніемъ его сердца, съ каждымъ вздохомъ его груди. Не отдѣлиться ему отъ настоящаго! Оно внѣдрилось въ него, обвилося вокругъ него, оно сосетъ кровь изъ его сердца, оно требуетъ всей жизни его, всей дѣятельности»... *.

Лермонтовъ всю жизнь носилъ въ душѣ и лелѣялъ въ воображеніи идеалъ свободнаго существа, рѣзко противорѣчившій застою тогдашней русской общественной жизни. Въ юности этотъ идеалъ являлся ему, съ байроновскими чертами, въ образѣ Демона; мужая, поэтъ все болѣе и болѣе стремится свести его на реальную почву: онъ ищетъ его въ салонахъ, гдѣ самъ проводитъ или убиваетъ свое время, но гдѣ, въ сущности, его идеалу (какъ и ему самому) нѣтъ мѣста; старается представить его себѣ то въ лицѣ какого-то фантастическаго испанца, изнывающего въ монастырской тюрьмѣ («Исповѣдь»), то въ видѣ не менѣе фантастическаго Арсенія, въ какой-то псевдо-исторической обстановкѣ, дословно повторяющаго исповѣдь испанца («Орша»); но и тутъ ему нѣтъ мѣста, и обстановка выходитъ чѣмъ-то постороннимъ, неудачно придуманнымъ; наконецъ, въ послѣдней переработкѣ той-же темы, идеалъ

* Бѣлинскій, IV, 286, 305.

достигаетъ прозрачной ясности и цѣльности—въ плѣнномъ мальчикѣ, рожденномъ на свободѣ и убѣгающемъ изъ монастырской неволи подышать зеленымъ лѣсомъ, дикой волей, подраться съ звѣрями, съ которыми борьба для него отраднѣла... Борьба съ людьми для него скучна: они ему слишкомъ чужіе, онъ ихъ презираетъ; ихъ сила только въ томъ, что ихъ много и что это множество утомляетъ и обезсиливаетъ. Лучше три дня вздохнуть безъ нихъ, на вольной волѣ, самобытно и гордо, и потомъ погибнуть, чѣмъ склонить передъ ними непоклонливую голову и жить долгимъ и скучнымъ прозябаніемъ, мало-по-малу утрачивая вольную душу.

Ты хочешь знать, что дѣлалъ я
На волѣ?—*Жилъ...*

Жажда жизни, «жажда бытія»—дѣятельнаго, кипучаго, страстнаго,—проникаетъ все существо поэта:

Онъ хочетъ жить цѣною муки,
Цѣной томительныхъ заботъ
Онъ покупаетъ неба звуки,
Онъ даромъ славы не беретъ...

Но вмѣсто жизни передъ нимъ разстилается только томительный «ровный путь безъ цѣли»—и снова щемитъ его сердце тоска одиночества:

Ужасно старикомъ быть безъ сѣдинъ!
Онъ равныхъ не находитъ; за толпою
Идетъ, хоть съ ней не дѣлится душою;
Онъ межъ людьми—ни рабъ, ни властелинъ,
И все, что чувствуетъ,—онъ чувствуетъ *одинъ*.

Его окружаютъ не люди, а только «образы бездушные людей, приличьемъ стянутыя маски», которымъ нѣтъ дѣла до его страданій и волненій, которымъ смѣшонъ его плачъ и укоръ; и ему приходится бояться своего вдохновенія какъ язвы, чтобы не унизиться до выставки своихъ душевныхъ ранъ «на диво черни простодушной». Эти прозябающія существа, постыдно-равнодушныя къ добру и злу, ничего не могутъ дать ему и ничего не въ силахъ

отъ него взять,—и передъ нимъ рисуется образъ библейскаго пророка, призваннаго «глаголомъ жечь сердца людей», но вынужденнаго бѣжать изъ городовъ въ пустыню, потому-что въ отвѣтъ на проповѣдь любви и правды въ него бросаютъ бѣшено камень.

Онъ гордъ былъ,—не ужился съ нами...

А съ другой стороны неотвязно звучитъ вопросъ: за чѣмъ-же и за что эта попытка безцѣльнаго существованія?

Когда-бъ въ покорности незнанья
Насъ жить Создатель осудилъ,—
Неисполнимыя желанья
Онъ въ нашу душу-бъ не вложилъ;
Онъ не позволилъ-бы стремиться
Къ тому, что не должно свершиться,
Онъ не позволилъ-бы искать
Въ себѣ и въ мірѣ совершенства,
Когда намъ полнаго блаженства
Не должно вѣчно было знать!

И колеблясь между надеждой и отчаяніемъ, поэтъ приходитъ наконецъ къ утратѣ вѣры въ будущность своего поколѣнія:

Его грядущее—иль пусто, иль темно.

Только вдали отъ людей, лицомъ къ лицу съ спокойной, вѣчно-безстрастной природой, «смиряется души его тревога». Объективное творчество возможно для него только въ рѣдкія минуты душевнаго отдыха,—и «Пѣсня про царя Ивана Васильевича» служитъ яркимъ свидѣтельствомъ того, до какой высоты эпическаго созерцанія жизни могъ подниматься поэтъ въ такія минуты. Но тяжелая рука дѣйствительности разрушала эти мечты и снова толкала его въ міръ житейскихъ тревоженій; современность «сосала кровь изъ его сердца».

Идеала свободной души, воплощеннаго въ образѣ Мицыри, Лермонтовъ искалъ также и въ женщинѣ. Его мечта—уже не деревенская барышня, не Татьяна, любящая и унылая, страдающая и покорная,—а женщина, которой

нужна власть надъ людьми, ею презираемыми, женщина, въ которой больше гордости и ненависти, чѣмъ любви,— чья душа

Изъ тѣхъ, которымъ рано все понятно;
 Для мукъ и счастья, для добра и зла
 Въ нихъ пищи много; только невозвратно
 Онѣ идутъ, куда ихъ повела
 Случайность, безъ раскаянья, упрековъ
 И жалобы. Имъ въ жизни нѣтъ уроковъ,
 Ихъ чувствамъ повторяться не дано...

И въ самомъ дѣлѣ, женскій идеаль Лермонтова—опять тотъ-же Демонъ, сіявшій «такой волшебной-сладкой красотою, что было страшно, и душа тоскою сжималася»,— тотъ-же Мцыри, но въ другой обстановкѣ, соотвѣтственной полу. Докончить этотъ идеаль, прояснить его онъ нигдѣ не могъ; онъ хочетъ воплотить его въ дѣйствительности, поставить возлѣ себя, пробуетъ (въ «Сказкѣ для дѣтей») — и не успѣваетъ... Смерть-ли прервала созданіе, или самый идеаль невозможенъ и никогда не дошелъ-бы до ясности? Существующую женщину Лермонтовъ презираетъ:

Пустого сердца не жалѣй:
 Пускай себѣ поплачетъ,—
 Ей ничего не значить...

Откуда-же эта неодолимая потребность презрѣнія, которая заставляетъ поэта говорить первой по тогдашнимъ понятіямъ европейской націи,—великому народу: «Ты жалкій и пустой народъ!», говорить всему европейскому міру, что онъ

Къ могилѣ клонится безславной головою,
 Измученный въ борьбѣ сомнѣній и страстей,
 Безъ вѣры, безъ надеждъ,—игралице дѣтей,
 Осмѣянный ликующей толпою!—

и въ то-же время у себя дома не находить человѣка, которому можно было-бы руку подать въ минуту душевной невзгоды? Имѣлъ-ли онъ право не имѣть друга, презирать

собственную любовь къ женщинѣ, презирать общество, какъ безсловесное стадо?

Эти вопросы поставлены авторомъ одной старой статьи о русскихъ поэтахъ. У него-же находимъ и отвѣтъ на нихъ: «Жизнь и исторія даютъ не *право*, а *возможность*, или, вѣрнѣе, *необходимость*, какъ слѣдствіе цѣлаго ряда причинъ».

Къ Лермонтову вполне примѣняется характеристика Арбенина, вложенная имъ въ уста одного изъ дѣйствующихъ лицъ драмы «Странный человѣкъ»: «Онъ имѣлъ характеръ пылкій, душу безпокойную, и какая-то глубокая печаль отъ самаго дѣтства его терзала. Богъ знаетъ, отчего она произошла... Его умственные способности очень рано стали развиваться. Онъ узналъ дурную сторону свѣта, когда еще не могъ ни остеречься отъ его нападеній, ни равнодушно переносить ихъ; его насмѣшки не дышали веселостью,—въ нихъ примѣтна была горькая досада противъ всего человѣчества»...

Въ ранней молодости, еще полный идеалами Байрона, поэтъ близко присмотрѣлся къ обществу и почувствовалъ, что въ этомъ мірѣ онъ чужой, лишній, что ему тутъ дѣлать нечего, что работать ради этого общества не стоитъ труда. Съ этой точки зрѣнія смотритъ онъ и на личныя отношенія. Онъ вращается въ большомъ и маломъ «свѣтѣ», со всѣми знакомъ, никого не любитъ,—да и неза-что; онъ постоянно шутитъ и хохочетъ какъ школьникъ,—а внутри у него кипитъ отвращеніе къ обществу, къ людямъ, съ которыми приходится встрѣчаться, къ самому себѣ и своему положенію,—и сердце его грызетъ тоска тяжелая и безвыходная. Оттого-то мысль о побѣгѣ изъ этой среды у него такъ истинна, такъ поэтична, мечты о природѣ и идеаль Мцыри такъ искренни; оттого и положеніе его въ обществѣ настолько ложно, что Печоринъ, самъ того не замѣчая, является такимъ-же фразеромъ, какъ и Грушницкій. Только необыкновенная сила языка, вѣрность остальныхъ характеровъ и поэтическая

прелесть обстановки сдѣлали изъ «Героя нашего времени» поэму, въ которой и самая проза звучитъ какъ стихъ. Не даромъ замѣтилъ Гоголь, что «никто еще не писалъ у насъ такую правильную, прекрасною и благоуханною прозою», а Бѣлинскій видѣлъ въ «Тамани»—«словно какое-то лирическое стихотвореніе, вся прелесть котораго уничтожается однимъ выпущеннымъ или измѣненнымъ не рукою самого поэта стихомъ».

Вліяніе Лермонтова, сочувствіе къ нему мыслящихъ современниковъ было огромно: всякій, признаваясь или не признаваясь, чувствовалъ себя лишнимъ человѣкомъ и чужимъ въ этой средѣ, которой ни любить, ни уважать было незачто, и слѣдовательно, всякій находилъ въ Лермонтовѣ свой отголосокъ. Желѣзный стихъ поэта «ударилъ по сердцамъ съ невѣдомою силою». Струну, задѣтую Лермонтовымъ, чувствовалъ въ своемъ сердцѣ каждый, кто не находилъ себѣ мѣста въ жизни и живой дѣятельности; а ихъ откровенно не находилъ никто. Лермонтовъ не былъ теоретикомъ; онъ не искалъ разгадки жизни; объясненіе ея началъ было для него безразлично; никакихъ теоретическихъ вопросовъ онъ не касался. Онъ былъ скептикъ въ практикѣ, въ самой жизни; онъ не вѣрилъ въ ея исходъ, и потому на всякую человѣческую дѣятельность смотрѣлъ съ пренебреженіемъ и общественные вопросы выбросилъ изъ своей поэзіи. Кромѣ строчки презрѣнія, брошеннаго Франціи и европейскому міру вообще, да строчки ненависти къ извѣстному кругу общества въ стихотвореніи на смерть Пушкина, онъ не затронулъ ни одного «гражданскаго мотива»,—развѣ только еще ненужность войны въ «Валерикѣ»:

... Жалкій человѣкъ!

Чего онъ хочетъ? Небо ясно,

Подъ небомъ мѣста много всѣмъ,

Но безпрестанно и напрасно

Одинъ враждуетъ онъ... Зачѣмъ?

Но и эти стихи—скорѣе презрѣніе къ человѣку, чѣмъ

мысль объ общественной гармоніи. Лермонтовъ какъ-будто зналъ и помнилъ замѣчаніе Пушкина: «Коли ты поэтъ, такъ будь поэтомъ, а хочешь гражданствовать, такъ пиши прозою». Равнодушіе къ теоретическимъ вопросамъ отдалило его отъ науки; онъ и въ ея исходъ не могъ вѣрять а ргіогі, а потому и не принимался за нее. Равнодушный къ основнымъ началамъ и сомнѣвающимся въ конечныхъ результатахъ, Лермонтовъ ловилъ свой идеаль отчужденности и презрѣнія, такъ-же мало заботясь объ эстетической теоріи искусства для искусства, какъ и обо всѣхъ отвлеченныхъ вопросахъ, поднятыхъ въ его время подъ знаменемъ германской науки и раздѣлившихъ нашу интеллигенцію на два лагеря—западнической и славянофильской. Вечера, гдѣ собирались представители обѣихъ партій, такъ-же какъ и всякія собранія съ ученымъ или литературнымъ отгѣнкомъ, были ему совсѣмъ не по душѣ; въ кругу литературномъ, какъ и въ великосвѣтскомъ, онъ не чувствовалъ себя своимъ и къ современной журналистикѣ относился, съ точки зрѣнія посторонняго наблюдателя, далеко не благосклонно:

... нужна отвага,
 Чтобы открыть... хоть вашъ журналъ...

 Съ кого они портреты пишутъ?
 Гдѣ разговоры эти слышатъ?

 Въ чернилахъ вашихъ, господа,
 И желчи ѣдкой даже нѣту,
 А просто—грязная вода...

Онъ даже и въ своихъ произведеніяхъ не высказывалъ всего, что думалось:

Къ чему толпы неблагодарной
 Мнѣ злость и ненависть навлечь,
 Чтобъ бранью назвали коварной
 Мою пророческую рѣчь?

Не ища сближенія съ литературнымъ кругомъ, онъ появлялся среди него какъ рѣдкій гость и уходилъ въ

свѣтскую жизнь на поиски своего идеала—женщины; но идеаль «ускользалъ какъ змѣя», и поэтъ по-прежнему оставался въ своемъ безотрадномъ одиночествѣ. «Жажда бытія»,—жизни вольной и богатой впечатлѣніями,—заставляла его искать новыхъ и сильныхъ ощущеній, хотя-бы цѣною страданія:

Что безъ страданій жизнь поэта,
И что безъ бури океанъ?

Обыденнымъ существованіемъ, медленно переползающимъ изо-дня въ день, онъ не дорожилъ и всегда готовъ былъ поставить его на карту ради неизвѣстнаго. Роковая случайность прекратила это существованіе.

«Слышно страшное въ судьбѣ нашихъ поэтовъ», писалъ Гоголь. «Пушкинъ, Грибоѣдовъ, Лермонтовъ, одинъ за другимъ, въ виду всѣхъ, были похищены насильственной смертью, втеченіе одного десятилѣтія, въ порѣ самаго цвѣтущаго мужества, въ полномъ разгарѣ силъ своихъ, и никого это не поразило: даже не содрогнулось вѣтренное племя!»

Жуковскій опредѣлилъ поэзію Лермонтова словомъ *безочарованіе*. Онъ говоритъ, что *очарованіе*—культъ красоты и жизнерадостности,—представителемъ котораго былъ Шиллеръ, уступило мѣсто байроновскому *разочарованію*; какъ то, такъ и другое отразилось въ свое время въ нашей поэзіи; съ Лермонтовымъ-же явилось новое настроеніе, которое нельзя иначе назвать какъ *безочарованіемъ*, потому-что оно уже ничего не ждетъ отъ жизни. Это характерное слово можно примѣнить и вообще къ той эпохѣ нашего общественнаго и литературнаго развитія, плодомъ и выраженіемъ которой была поэзія Лермонтова: это было время не ожиданій и надеждъ, а унынія и усталости,—время, не знавшее «очарованія» ни въ настоящемъ, ни въ будущемъ. Лермонтовъ ошибался только въ одномъ: горькое сознаніе суровой и бесплодной дѣйствительности заставляло его всякую надежду считать ребяческой мечтой, недостойной «строгаго искусства», между тѣмъ какъ на

самомъ дѣлѣ эпоха, въ которую онъ жилъ, хотя и тяжелая, и болѣзненная, была только эпохою переходною. Живой общественный организмъ не можетъ окаменѣть и остановиться на одномъ мѣстѣ, какъ не можетъ и держаться однимъ только отрицаніемъ. Въ тѣсныхъ колодкахъ нашей культуры 30-хъ годовъ уже зарождались и зрѣли свѣжія силы, которыя вслѣдъ затѣмъ сообщили нашей жизни и литературѣ новое и плодотворное движеніе впередъ. Негодующій вопросъ *Лермонтова*:

Когда-же на Руси бесплодной,
Разставшись съ ложной мишурой,
Мысль обрѣтетъ языкъ простой
И страсти—голосъ благородный?

разрѣшенъ исторіею, оправдавшей вдохновенное пророчество Гоголя:

«Все это (наша поэзія до начала 40-хъ годовъ)—еще орудія, еще матеріалы, еще глыбы, еще въ рудѣ дорогіе металлы, изъ которыхъ выкуется иная, сильнѣйшая рѣчь. Пройдетъ эта рѣчь уже насквозь всю душу и не упадетъ на бесплодную землю. Скорбію ангела загорится наша поэзія, и ударивши по всѣмъ струнамъ, какія ни есть въ русскомъ человѣкѣ, внесетъ въ самыя огрубѣлыя души святыню того, чего никакія силы и орудія не могутъ утвердить въ человѣкѣ; вызоветъ намъ нашу Россію,—нашу русскую Россію,—не ту, которую показываютъ намъ грубо какіе-нибудь квасные патріоты, и не ту, которую вызываютъ къ намъ изъ-за моря очужеземившіеся русскіе, но ту, которую извлечетъ она изъ насъ-же,—и покажетъ такимъ образомъ, что всѣ до одинаго, какіхъ-бы ни были они различныхъ мыслей, образовъ воспитанія и мнѣній, скажутъ въ одинъ голосъ: «это—наша Россія!»

П. Морозовъ.